

## ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ЛЮТЕРАНСКИЕ ПАСТОРЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ<sup>1</sup>

Г.Н. Алишина

*Столкновение Российской империи в Первой мировой войне с Германией и Австро-Венгрией существенно повлияло на положение лютеранской церкви в стране. Она стала объектом дискриминационной политики государства. В таких условиях пристальное внимание властей было приковано к деятельности лютеранских пасторов. Нередко их слова и поступки оценивались как предосудительные и влекли за собой меры репрессивного характера. В статье рассматриваются трудности, с которыми столкнулись лютеранские пасторы в годы войны, проступки, в которых они уличались, и виды наказаний, которым подвергались.*

**Лютеранские пасторы, Первая мировая война, Евангелическо-лютеранская церковь, Российская империя, ксенофобия, дискриминация, антинемецкая кампания.**

Пребывание любого «инога», а уж тем более пришлого откуда-то извне меньшинства в рамках культурно отличного окружения всегда сопряжено с целым комплексом проблем и трудностей, связанных с процессом адаптации. Одним из ключевых вопросов для такого контингента становится вопрос идентичности, которую кто-то стремится сохранить и воспроизвести, а кто-то предпочитает изменить. И то, и другое — стратегии адаптации. Наиболее ярко и отчетливо проблема выбора и демонстрации идентичности мигрантским сообществом проявляется в острых кризисных условиях, диктующих необходимость однозначного решения. Исторической иллюстрацией в данном случае может послужить положение лютеран в Российской империи в годы Первой мировой войны. Обращение к этому сюжету предполагает рассмотрение такого вопроса, как существование пришлого меньшинства (в данном случае конфессионального) в условиях военного столкновения страны-донора и страны-реципиента, что напрямую связано с проблемами определения идентичности членов сообщества и оценки их потенциальной опасности для государства, в котором они проживают.

Евангелическо-лютеранская церковь в России начала свое существование с одного прихода в Москве в конце XVI в. К 1917 г. она насчитывала (за исключением Царства Польского) до 3,5 млн последователей [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 1104, л. 1]. Она состояла из пяти консисториальных округов: Санкт-Петербургского, Московского, Лифляндского, Курляндского и Эстляндского, возглавляла которые Генеральная евангелическо-лютеранская консистория [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 851, л. 253 об.–254].

Немало научных трудов посвящено истории этой конфессии в России. Пик исследовательского интереса к российским лютеранам пришелся на постсоветский период. В частности, имперскому и советскому этапам в истории лютеранской церкви в России посвящены монографии О. Курило [2002] и О.А. Лиценбергер [1999, 2004]. В ряде работ рассматриваются различные территориальные группы российских лютеран [Желновакова, 2010; Лиценбергер, 1996; Нам, 2011; и др.]. Однако все еще недостаточно изученным остается период Первой мировой войны, которому исследователи зачастую уделяют мало внимания, концентрируясь на событиях первых лет советской власти как наиболее трагичных в судьбе российских лютеран. И хотя есть публикации об отдельных лютеранских приходах в годы Первой мировой войны [Князева, Солодова; Машковцев, 2012], пока освещение этого периода в научных исследованиях нельзя назвать исчерпывающим. Малоизученной остается и проблема дискриминации лютеранской церкви, ее прихожан и духовенства в Российской империи, в то время как дискриминационной религиозной политике советского государства уделено достаточно много внимания. Обращение к вопросу о положении Евангелическо-лютеранской церкви России в годы Первой мировой войны позволит несколько

<sup>1</sup> Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

уменьшить эту диспропорцию, а также составить более полное представление о взаимоотношениях Российского государства и лютеран, проживавших на территории страны.

До начала Первой мировой войны положение Евангелическо-лютеранской церкви и лютеран в России можно оценить как весьма благополучное. Число последователей увеличивалось, чему прежде всего способствовали территориальные приращения империи и привлечение в страну иностранцев. Количество церквей и молитвенных домов росло. И хотя государственная власть на первое место безоговорочно ставила православие [Гавриленков, 2009, с. 149], лютеранская церковь имела возможность довольно успешно функционировать<sup>2</sup>. Представители этой конфессии занимали высокие государственные посты, были полковниками, учеными, деятелями искусств и пр. Не будет преувеличением сказать, что вклад лютеран в политику, экономику, культуру и образование Российской империи был весьма значителен. И, как справедливо заметила О.А. Лиценбергер, хотя лютеранство считалось вероисповеданием иноземцев, ему самым удивительным образом было суждено оказать влияние на ход российской истории [Лиценбергер].

Положение Евангелическо-лютеранской церкви в России существенно изменилось (и не к лучшему) с началом Первой мировой войны. Столкновение с Австро-Венгрией и Германией спровоцировало в России резкий всплеск антинемецких настроений, вылившихся в широко-масштабную кампанию по борьбе с немецким засильем. Последняя включала в себя целый комплекс дискриминационных мер, от запрета преподавания на немецком языке до ликвидации немецкого землевладения. Притеснениям подверглись подданные вражеских государств, оказавшиеся на территории Российской империи, и российские подданные немецкого происхождения. Не избежали нападков и вероисповедания, присущие данным категориям населения страны. В первую очередь в число конфессий, вызывавших подозрение, попала лютеранская церковь. Она характеризовалась как особо опасная организация, преследовавшая узко национальные интересы. И хотя в число российских лютеран входили не только немцы и австрийцы, но и представители иных этнических групп (эстонцы, латыши и др.), все лютеране Российской империи стали объектом дискриминационной политики государства.

Уже в ноябре 1914 г. вышло постановление министра внутренних дел о закрытии евангелических обществ юношей и молодых людей и союза этих обществ в России. Из-за подозрений в помощи воюющим с Россией державам в декабре 1914 г. лютеранским приходам запретили производить «какие бы то ни было сборы на потребности заграничных миссий» [Сибирская жизнь, 1914, 30 дек.]. Особый недостаток в годы Первой мировой войны лютеранские общины испытывали в информации и снабжении духовной литературой. Дело усугублялось прекращением выпуска периодических изданий Евангелическо-лютеранской церкви. Кроме того, рост антинемецких настроений в годы войны серьезно затрагивал лютеранские приходы, особенно в крупных городах. Так, в мае 1915 г. в Москве антинемецкие выходки закончились погромом, в результате которого был причинен материальный ущерб евангелическо-лютеранскому приходу Св. Михаила. В целом наибольший пресинг в отношении лютеран исходил от военных властей, которые обвиняли неправославных христиан в германизме и антимилиитаризме. Примером в данном случае может послужить распоряжение генерал-лейтенанта П. Курлова о полном запрещении немецкого языка в делах лифляндской евангелическо-лютеранской консистории [Новое время, 1915, 15 июня].

Первой реакцией российских лютеран на разразившуюся войну была демонстрация преданности Российскому государству. В конце июля 1914 г. в евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра в Петербурге были отслужены два торжественных молебствия о даровании русскому оружию победы [Новое время, 1914, 30 июля]. В отчете Евангелическо-лютеранской генеральной консистории о положении церковных дел за 1913–1914 гг. утверждалось, что «серьезность военного времени привлекла приходы на богослужения и наполнила церкви молящимися», а «торжественные молебны по возникновению войны... воодушевляли наши приходы» [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 851, л. 335 об.–336]. Нельзя забывать и том, что многие юноши и молодые мужчины лютеранского вероисповедания служили на момент начала военных действий в российской армии и были призваны в ее ряды во время войны. Для удовлетворения их духовных нужд в российской армии находились лютеранские проповедники, также вносившие свой вклад в победу над врагом [Подпрятков, 2010, с. 107]. Из-за подозрений в нелояльности в январе 1915 г. последовал приказ об отчислении военнслужащих-лютеран из фронтовых частей и о переводе их в

---

<sup>2</sup> Это, однако, не исключало возникавших время от времени осложнений в отношениях с государственной властью и различных текущих организационных проблем.

тыловые команды на Кавказский фронт [Чернова, 2005, с. 241–242]. Победа ковалась лютеранами и в тылу. Некоторые из них, например, трудились на промышленных предприятиях, работавших на нужды войны [Князева, Солодова].

Пожалуй, особенно тяжелая роль выпала лютеранским пасторам, которым приходилось заботиться о своей пастве в условиях недоверия и гонений. По данным за 1913–1914 г., число духовных лиц лютеранского вероисповедания в Российской империи составляло более 500 чел. По Петроградскому консисториальному округу духовной деятельностью было занято 122 духовных лица; по Московскому — 73; по Лифляндскому — 174; по Курляндскому — 131; по Эстляндскому — 67 [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 851, л. 333]. С одной стороны, на них возлагалась огромная моральная ответственность за прихожан, а с другой — к ним было приковано пристальное внимание властей, считавших пасторов наиболее опасным контингентом в среде дискриминируемых иноверцев. В отчете Евангелическо-лютеранской генеральной консистории, например, сообщалось, что «во многих случаях пасторы... и тайно, и явно были... заподозрены в недостаточно серьезной преданности отечеству» [Там же, л. 336].

Прежде всего война существенно прибавила многим пасторам работы. И речь не только о необходимости оказывать духовную поддержку своим прихожанам, но и об увеличении их числа, а значит, и пасторских обязанностей. Количество прихожан росло за счет лютеран-беженцев, стремящихся оказаться подальше от ужасов войны, депортированных лютеран, выселенных из прифронтовой зоны во внутренние губернии страны, и военнопленных германской и австро-венгерской армий, размещать которых также предпочитали подальше от зоны боевых действий. Многие из них умирали, что требовало приглашения пастора для совершения погребения. Живые лютеране нуждались в крещении, причастии. В общем, работы у пастора было много [Князева, Солодова]. Особенно если учесть, что еще до войны некоторые пасторы сталкивались с большими трудностями в своей деятельности, например, из-за обширности вверенных им территорий. Проповеднику приходилось проезжать громадные расстояния, чтобы добраться до места пребывания прихожан. В первую очередь это касалось Кавказа и Сибири. Так, например, в 1911–1912 г. пастор Екатеринбургского прихода проехал 14 400 верст, а томский пастор — 15 000 верст [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 851, л. 199 об.]. В условиях войны подобные трудности только возросли.

Авторитет пасторов среди прихожан, возможность влиять на восприятие последними происходящих событий служили поводом для подозрений. Власти пристально следили за деятельностью лютеранских пасторов и часто усматривали в их словах и поступках враждебность. Прежде всего это касалось пасторов тех консисториальных округов, что были близки к линии фронта. Однако удаленность от мест боевых действий не гарантировала безопасности. Пасторы внутренних губерний страны также неоднократно уличались в предосудительных с точки зрения безопасности государства поступках.

Диапазон преступлений, в которых уличались лютеранские пасторы в годы Первой мировой войны, был достаточно широк. К числу незначительных проступков можно отнести разговор на немецком языке после запрета его употребления. За это пастор Мариен-Магдаленского прихода Адольф Галлер был оштрафован на 300 руб. [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 1057, л. 263 об.]. Более серьезным нарушением считались публичные заявления пасторов перед прихожанами, местными жителями или учениками, содержащие критику в адрес России, ее властей и порядков, и восхваляющие Германию. Так, например, лутрингенский пастор Адольф Брилинг, согласно донесению курляндского губернатора, в беседах с прихожанами позволил себе говорить, что «Германию в этой войне винить нельзя», «что для Германии не было никакого исхода, так как Россия на границах ее собрала громадные силы» и «что в начатии войны виновна Россия» [Там же, л. 38]. Подобные обвинения были выдвинуты в отношении Винфрида Гансена (пастор Рингенского прихода) [Там же, л. 45], Бруно Гассельбладта (пастор церкви Св. Иоанна в г. Ревеле) [Там же, л. 263], Августа-Константина Гершельмана (пастор Балтийско-Портского прихода) [Там же, л. 263] и др. Шиллинг Карл-Фридрих был наказан за то, что, «будучи враждебно настроен ко всему русскому, ни разу не молился о даровании победы русскому воинству, а также отказал Трикатенскому волостному старшине совершить молебен перед отправлением призванных запасных в сборный пункт» [Там же, л. 266–266 об.]. Еще одним серьезным преступлением в условиях войны был шпионаж. В нем, в частности, обвинялся пастор Гродзецкого прихода Слупецкого уезда Калишской губернии Рудольф Бузе [Там же, л. 98].

В зависимости от тяжести проступка лютеранские пасторы подвергались следующим видам наказаний:

- 1) штраф или краткосрочный арест;
- 2) устранение от должности;
- 3) запрет на жительство в конкретной местности или местностях, находящихся на военном положении, на время военного положения;
- 4) высылка в отдаленные от боевых действий губернии (чаще всего в Томскую губернию);
- 5) тюремное заключение.

За годы войны от антинемецкой кампании и репрессий пострадали 84 лютеранских пастора, из них 30 были сосланы в Сибирь [Желновакова, 2010, с.76]. Важно также помнить, что война сопровождалась множеством ложных доносов и клеветнических наветов, спровоцированных политикой шпиономании, проводимой на государственном уровне [Кадол, 2013, с. 359]. Жертвами подобной клеветы становились и лютеранские пасторы, очень в этом плане уязвимые из-за рода своей деятельности. Однако следует отдать должное силовым структурам: по доносам проводились проверки, которые могли закончиться оправданием оклеветанного лица. В качестве примера можно привести случай, произошедший с казанским лютеранским пастором Эдуардом Карловичем Гозйзелем (Гохайзелем) и его женой Иоанной Антоновной.

Осуществляя пасторскую деятельность не только в Казанской, но и в Вятской губернии, Э. Гохайзель всячески помогал депортированным и военнопленным, находившимся в данном регионе. Подобная деятельность довольно быстро привлекла внимание правоохранительных органов Казанской губернии. Уже осенью 1914 г. пастор попал под пристальный надзор Казанского губернского жандармского управления, стремившегося любыми способами пресечь работу Э. Гохайзеля среди военнопленных [Машковцев, 2012, с. 133]. Для этого жандармам был необходим лишь предлог, и он вскоре нашелся.

В декабре 1914 г. помощник начальника Казанской губернской тюрьмы П.П. Степанов заявил, что жена пастора неоднократно высказывалась весьма критично в адрес русского правительства и хвалила Германию, а также что «в доме пастора часто бывают какие-то собрания, на которых собираются немцы... для беседы удаляются в особую комнату с закрытыми дверями» [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 1057, л. 62–62 об.]. В ходе расследования было установлено, что источником данной информации являлась сестра жены П.П. Степанова М.М. Увакина, портниха, бывавшая в доме пастора. Ее показания были перепроверены и не нашли подтверждения. Также было установлено, что данная свидетельница не вызывает доверия из-за своей склонности к преувеличению, на что указали другие свидетели. По итогам этого расследования была доказана непричастность казанского пастора и его жены к какой-либо противоправной деятельности [Там же, л. 66–67 об.]. Начатое следственными органами дело было прекращено, и пастор избежал участи других лютеранских священников, подвергнутых различным репрессиям в разгар антигерманской кампании. Возможно, его спасла отдаленность губернии от линии фронта. Лютеранские пасторы, служившие в консисториальных округах, близких к местам боевых действий, в меньшей степени могли рассчитывать на столь благополучный финал.

Необходимо отметить, что в нелояльности были заподозрены и другие конфессиональные группы неправославного толка, к Германии практически никакого отношения не имевшие. Серьезным гонениям подверглись евангельские христиане и баптисты. Вывод об их «германизме» был сделан на том основании, что религиозные взгляды представителей данных течений берут начало в немецком протестантизме [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 1016, л. 17–21]. По мнению О.В. Безносовой, в этот список пострадавших конфессий можно добавить штундистов<sup>3</sup> и адвентистов. Последних обвиняли в связях с Германией, несмотря на то обстоятельство, что их организация являлась американской, а не немецкой [Безносова, 2005, с. 224].

Проповедники упомянутых религиозных течений также подвергались высылке и заключению под стражу. Это лишало верующих возможности удовлетворять свои духовные нужды. Они не могли крестить новорожденных, подобающе погребать умерших и сочетаться браком. Еще большие лишения терпели репрессированные духовные наставники. Помимо всех ужасов, которые они должны были испытать в пути по этапу, в тюрьмах вместе с уголовными преступниками, им приходилось переносить большие тяготы в местах ссылки: голод, грубое обращение,

---

<sup>3</sup> На одном из заседаний Государственной думы штундисты были названы «опасными людьми» [РГИА, ф. 1483, оп. 1, д. 29, л. 11].

## Евангелическо-лютеранская церковь и лютеранские пасторы Российской империи...

неимоверный холод и т.д., о чем подробно рассказывается в записке религиозного и политического деятеля, руководителя Всероссийского союза евангельских христиан И.С. Проханова [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 1016, л. 14–15]. Из этого следует, что притеснениям в годы войны подверглись не только лютеране, но и другие религиозные сообщества и их духовные наставники.

В России в годы Первой мировой войны, явившейся сильным стрессовым фактором для населения страны, наблюдался всплеск ксенофобии по отношению к различным этническим и религиозным сообществам, в том числе российским лютеранам. Лютеранская церковь была вынуждена мириться с подозрениями в свой адрес и откровенными притеснениями. Наибольший прессинг со стороны властей и общественности испытывали лютеранские пасторы, как духовные лидеры, имеющие влияние на рядовых верующих. За их деятельностью внимательно следили, и любой их шаг, расцененный как враждебный, мог привести к мерам репрессивного характера. Самыми серьезными наказаниями были высылка и арест. Чаще всего высылали в Сибирь, суровые условия которой стали настоящим испытанием для репрессированных проповедников. В столь непростых обстоятельствах лютеранским пасторам приходилось нести тяжкий груз ответственности. Долг священнослужителя заключался в заботе о прихожанах без каких-либо различий между ними, удовлетворении их духовных нужд. Долг российского подданного состоял в проявлении безоговорочной лояльности государству и преданности его интересам. И часто эти обязательства вступали друг с другом в конфликт. Этот непростой период для российских лютеран и их духовных наставников послужил прологом к еще более суровым испытаниям советской эпохи.

---

### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

---

#### *Неопубликованные источники*

РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 851. Евангелическо-лютеранская церковь в России (отчеты, статистические данные, справки, газетные вырезки и пр.) (1910–1916 гг.).

РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1016. Записка И.С. Проханова «Преследование евангельских и сродних им христиан в России во время войны» (1915 г.).

РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1057. О предосудительной деятельности лютеранских пасторов во время войны. Ч. I (1914–1915 гг.).

РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 1104. О созыве Протестантского Церковного Собора для обсуждения назревших вопросов церковной жизни (1917 г.).

РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 29. Газетные вырезки по вопросу ликвидации немецкого засилья (1915 г.).

#### *Опубликованные источники*

Новое время. СПб.

Сибирская жизнь. Томск.

#### *Литература*

Безносова О.В. «Борьба с немецким засильем» и жизнь религиозных общин юга Российской империи (1880–1917) // Российские немцы в инонациональном окружении: Проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Материалы междунар. науч. конф. Саратов, 14–19 сент. 2004 г. М., 2005. С. 222–229.

Гавриленков А.Ф. Проблемы духовной безопасности Российской империи в XVIII — начале XX в. // Вестн. Воен. ун-та. 2009. № 3 (19). С. 148–153.

Желновакова М.Ф. Причины появления протестантизма в Иркутской губернии // Изв. АлтГУ. 2010. № 3–4. С. 73–77.

Кадол А.Н. Доктрина немецкого шпионажа в этнополитике царизма в период Первой мировой войны и роль жандармскополицейских властей в «немецком вопросе» (на материалах южных губерний Российской империи) // Два с половиной века с Россией: (К 250-летию начала массового переселения немцев в Россию): Материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 24–27 авг. 2012 г. М., 2013. С. 354–366.

Князева О.А., Солодова Т.С. Тульская евангелическо-лютеранская община. Лютерано-католический участок тульского Всехсвятского кладбища [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.etnosy.ru/node/485>.

Курило О. Лютеране в России: XVI–XX вв. СПб.: Фонд «Лютеранское наследие» World Wide Printing, 2002. 400 с.

Лиценбергер О.А. Лютеранская церковь в Поволжье: (С момента образования колоний до середины XIX века) // История и культура российских немцев. Саратов, 1996. Вып. 3. Ч. 1. С. 55–66.

Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь и Советское государство (1917–1938). М.: Готика, 1999. 432 с.

Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь в Российской истории (XVI–XX вв.). М.: Фонд «Лютеранское культурное наследие», 2004. 544 с.

Лиценбергер О.А. Роль лютеран в Российской истории [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://luther.ru/church/history/160-licenberger.html>.

Машковцев А.А. Лютеранская община Казани в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (20): В 2 ч. Ч. II. С. 131–134.

Нам И.В. Планы реорганизации церковной организации лютеран Сибири в условиях Гражданской войны (1918–1919 гг.) // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: Материалы XIII Междунар. науч. конф. Москва, 21–23 окт. 2010 г. М., 2011. С. 483–485.

Подпрятков Н. Деятельность органов власти по организации службы неправославного духовенства в русской армии // Власть. 2010. № 9. С. 105–107.

Чернова Т.Н. Проблема в лояльности и толерантности российских немцев в годы Первой мировой войны (в свете новейших исследований) // Российские немцы в инонациональном окружении: Проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: Материалы междунар. науч. конф. Саратов, 14–19 сент. 2004 г. М., 2005. С. 236–245.

*Национальный исследовательский Томский государственный университет  
galinaalishina@gmail.com*

*A military confrontation of the Russian Empire with Germany and Austria-Hungary in the First world war significantly affected a position of the Lutheran Church in the country. It became an object of discrimination policy of the state. Under such conditions, close attention of the powers was riveted to activity of Lutheran pastors. Very often their words and actions were judged as reprehensible, resulting in measures of repressive character. The article considers difficulties the Lutheran pastors encountered during the war, misdeeds they were condemned in, and types of punishment they were imposed.*

***Lutheran pastors, First world war, the Evangelical Lutheran Church, Russian Empire, xenophobia, discrimination, anti-German campaign.***